

Этот фантастический рассказ
был напечатан в журнале „Мир
приключений“ в 1928 году.

I

Два буйка качались на волнах среди непроглядной тьмы
гропической ночи.

Черная вода, встречая препятствие, вспыхивала и обтекала буйки пылающими струйками жидкого огня.

Буюк с седыми волосами назывался Николаем Ивановичем Врагиным, профессором биологии. Вторым буюком был я. Между нами плыла тяжелая решетка палубного люка.

Казалось, прошло несколько суток с того момента, когда мы после долгого колебания решились и прыгнули в воду с борта горевшего парохода, сбросив сначала решетку люка. Вцепившись в нее, мы плыли рядом: решетка была слишком мала, чтобы выдержать тяжесть хотя бы одного из нас.

Рассвет наступил неожиданно. Вдруг потухли струи, из поредевшего мрака выступили плавно вздымавшиеся и опадавшие мутно-серые водяные бугры, грубая решетка, наши скрюченные пальцы, вцепившиеся в нее, и бледное, но спокойное лицо Врагина.

Гребя изо всех сил, мы старались теперь направить плот к суше.

Предрассветные сумерки в тропиках коротки, но солнце еще не успело взойти, как мы подплыли к берегу настолько, что разглядели на вершине одной из дюн три неподвижные человеческие фигуры, похожие издали на вбитые в кочку колышки. Одна из фигур стала спускаться к воде.

Подплывая все ближе и ближе, мы пристально вглядывались в фигуры на берегу. Европейцы или туземцы? Через полчаса мы могли оказаться спасенными или... в плену. На западном берегу Африки возможно и это, что бы ни говорили те рассудительные люди, которые представляют себе весь мир чем-то вроде окрестностей Петергофа или Сестрорецка.

Приподнятый высокой волной, я увидел много ближе, чем ожидал, белую полосу — пену прибоя. На мелководье волны усилились.

Налетевшая большая волна, по пути подхватив на свой хребет и меня, с грохочущим ревом далеко выкатилась на берег, разостлалась и пенистым потоком поспешно хлынула обратно. Задыхающийся, полуголушенный, я оказался на мокром песке. Рядом, в пяти шагах, среди ключев пены и бежавших луж, полз на четвереньках Николай Иванович.

Саженья в двадцати дальше, размашисто шагая, направлялись к нам трое в темных фуфайках. Двое передних были с автомобильными очками на глазах, третий — в пробковом шлеме. Европейцы! Концы длинных тонких удилиц упруго колебались над их головами. Успела промелькнуть нелепая догадка: пришли ловить рыбу.

С шипением и свистом чудовищного змея вырос очередной вал. Не успев повернуть головы, краем глаза я увидел на миг близко, почти у ног, высокую изогнувшуюся стену кипящей воды, пронизанную пузырьками пены. Свертываясь наверху гигантской стружкой, стена нависла надо мною. Меня приподняло, завертело и швырнуло еще дальше на берег. Сознание гасло. Еще удар — и обильный пир крабам... При этой мысли, отчаянным напряжением собрав последние силы, я поспешно отполз на несколько шагов и, не подымаясь, долго силился глотнуть воздух, даваясь от воды, попавшей в легкие. Голова кружилась, все тело ныло.

II

Я медленно встал, шатаясь от слабости. И, еще не подняв головы, заметил, что спешившие к нам на помощь стоят совсем рядом, в двух шагах.

Мой взгляд скользнул от ног к голове по фигуре ближайшего. Я похолодел. Это было так неожиданно, точно из высокой травы внезапно поднялась и замерла в зловещей неподвижности у самого лица страшная голова змеи.

Вместо ожидаемого мною человеческого лица было нечто невообразимо чудовищное. Принятое издали за автомобильные очки оказалось в действительности громадными выпученными бельмами — глазами величиною в блюдец. Глаза сидели рядом, вплотную, несоразмерно большие для маленькой по сравнению с ними головы. Они занимали все лицо, выдаваясь из своих орбит выпуклыми фарфорово-белыми чечевицами.

Казалось, нет ни лба, ни щек, ни скул — одни глаза! Два белых шара на шее, стержнем выдвинувшейся из плеч. Блестяще-белую эмаль выпученных белым раскалывали пополам горизонтально, от края до края, тонкие черные трещины — щели сильно суженных зрачков.

Жесткая складка плотно сомкнутого, безобразно громадного лягушечего рта в грязно-зеленой коже, сухо обтягивавшей всю голову и свободную от глаз часть лица, придавала голове невыразимо свирепое выражение.

Разрез широкой пасти, загибаясь кверху, заканчивался

в дряблых складках кожи под ушами. Выдающаяся вперед, узкая и тупая, без подбородка челюсть нависала над жилистой шеей настороженной ящерицы.

Пораженное внимание, отвлеченное необычайным, пропустило деталь: между глазами виднелось небольшое, неправильной формы отверстие — единственная ноздря. Точно принохиваясь к чему-то, конвульсивно сокращались ее нервные, более светлые края...

Если бы я увидел эту голову на туловище гада, не было бы того впечатления отталкивающей сверхъестественности. Но голова чудовища — на человеческом туловище! Смятенная, бессильная мысль билась, как птица в силках. Сон, сказка наяву не поддавались объяснению.

Глухо, точно из-за толстой каменной стены, доходил до ушей грохот прибора.

Чувствуя, как земля колеблется подо мной, с ужасом смотрел я на гипнотизирующую маску чудовища. Немо и страшно, не шевелясь, глядело оно мне в лицо. И вдруг узкая щель зрачка мгновенно расширилась в овал, еле заметный золотистый обвод растянулся, сверкнул огнем.

Точно острое сверло со страшной быстротой завертелось в моем мозгу. Мгновенно потерявшие краски дюны и голова гада ринулись в бездну.

III

Царила тишина. Я открыл глаза. Перед самым лицом растилался в блеске солнца мелкий красный песок, в нескольких саженьях далее подымаясь вверх пологим голым склоном. Я лежал на боку в тени большого камня.

Голова еще кружилась. Но сознание светлело. Я быстро сел, с изумлением осматриваясь. Море... Удивительно — море исчезло! Даже шума волн не было слышно. Я вспомнил о страшной встрече на берегу, но объяснил все галлюцинацией, результатом продолжительного нервного и физического напряжения. Чем другим можно было объяснить это, как не игрой расстроенных нервов? Но все остальное ведь было. Где же берег, море?..

Сердце сжало ожидание неведомого. Я осторожно выглянул из-за камня. Шагах в десяти на песке лежали и стояли тюки в брезентах, жестяные ящики, матрацы и несколько больших сундуков полированного дерева.

Вытянув голову еще дальше, я как обожженный отдернул ее обратно. Я опять увидел его. Он сидел на тюке среди груза. Выпуклый водолазный шлем закрывал его голову, но за дымчатыми стеклами я сразу разглядел фарфорово-белые глаза. Рядом стояло воткнутое концом в песок тонкое древко длинного копья.

IV

Первым побуждением было — бежать! Но как? Уползти по голому песку — детская затея. Укрываясь ящиками, прокрасться ему за спину и тогда перебраться за дюну? Как уйти незамеченным?

Я повернулся, пополз к другому концу тюка, заглянул за угол и окаменел от страшной картины. На брезенте, вытя-

нувшись, лежало на спине неподвижное тело Врагина. Два чудовища склонились над ним, неестественно изогнув хребты, точно горбатые гусеницы. Одно медленно погружало в чуть вздымавшуюся грудь моего друга большую тонкую блестящую иглу. Другое поддерживало вытянутые и поднятые вверх руки Николая Ивановича.

Напрасной гибелью, безрассудством было бы пытаться спасти Врагина. Но... оставить его на страшную смерть под пытками? Я знал: воспоминание о проявленной трусости и подлости не перестанет давить меня до конца жизни.

Сознавая безумие поступка, я вскочил. Невольный крик вырвался из горла.

В тот же момент, пронзительно присвистнув, точно подброшенный пружиной, сидевший высоко подпрыгнул, изумительным прыжком акробата подскочил сажени на две ближе и, взмахнув копьём, направил его мне в грудь.

Тонкое древко качалось, как стальное жало рапиры. Я знал, что рискую вызвать удар малейшим движением. Мгновение я стоял неподвижно. Где-то близко защебетала птичка. Уроды, выпрямившись, смотрели на меня. В тишине мой обостренный слух уловил шум моря и резкие крики морских птиц. Значит, море не особенно далеко.

Лагерь был расположен между дюнами, во впадине. Песчаная могила... А может, не поздно уйти? Я как бы с усилием повернул рычаг в мозгу, подавляя эту мысль, и заставил себя пошевелинуться. В безнадежном отчаянии приговоренного к казни я медленно подошел к Врагину. Маленькое пятнышко краснело на его груди, под сердцем.

Я поднял его и понес. Зачем? Не знаю. Я был заведенным автоматом. Третий раз в этот день все происходящее казалось мне сном.

С мутнеющим сознанием, ежесекундно ожидая услышать дикий крик, принять боль удара, я медленно переставлял ноги в рыхлом песке. Тянулись секунды — ни окрика, ни звука нагоняющих шагов! Только невидимые птицы дюн усилили свист.

Неодолимо тянуло оглянуться — так тревожно было молчание. Но я шел и шел... Мимо проползли толстые искривленные кактусы. И снова раскаленный песок... Наконец я оглянулся. Сыпучий шлейф холма заслонил вид на пройденный путь.

Нервное и физическое напряжение оборвалось сразу. Я выронил тело Николая Ивановича и упал без чувств.

Впрочем, я тотчас же очнулся и повернулся к Врагину. Красноватая точка расплылась в широкое пятно. Я положил руку на грудь и сейчас же снял. Сомнений не оставалось — я принес труп. Риск был напрасен, они умертвили его! Там, на брезенте, Врагин еще дышал.

Я поднял голову. Частью колоссального зеркального шара поблескивала темно-синяя гладь спокойного океана. Синева, постепенно бледнея, сливалась с голубым небом. И на этом фоне — красные волны песка. Простор и великий покой пустыни.

От прибрежной полосы меня отделял ряд дюн. Со стороны берега на одну из них поднялись и стали спускаться в ложину четверо в шлемах, волоча тяжелые мешки.

Лагерь виднелся саженях в сорока лезее, в ложине. Там тоже шевелились фигуры. Значит, их не трое.

Ожидать помощи было неоткуда. Безучастный к своей судьбе и свершившейся судьбе Врагина, я машинально наклонился над ним. И широко раскрыл глаза. Врагин лежал на боку и ровно, глубоко дышал. Я лихорадочно осмотрел его вторично. Красноватое пятно заняло всю грудь. Я прикрыл голову спящего от палящих лучей, прилег рядом и сразу заснул.

▼

Проснулся я от неприятного ощущения пристального взгляда. Держа в руках свое копьё, глазастый урод стоял в трех шагах, пристально вглядываясь мне в лицо, словно пытаясь что-то прочесть на нем. Совершенно инстинктивно я сжался, ожидая нападения. С минуту смотрели мы в глаза друг другу. Ни единой человеческой мысли, ни одного чувства не отражалось на этой живой маске.

Урод внезапно нагнулся, захватил горсть песка. Он указал на себя, в сторону моря, вверх и, отведя копьё и подбросив песок в воздух, пронзил на лету облако падающих песчинок. И неподвижно уставился на меня. Я тупо следил за его движениями. Что он говорил? Конечно, о себе. Но что? Быть может, о буре и молнии, ударившей в корабль? Я кивнул головой. Мой взгляд упал на конец опущенного копьё, и дрожь омерзения пробежала по телу: пальчики зеленой лягушечьей лапки обхватывали прут.

Монстр повернулся, быстро, не оглядываясь, зашагал к лагерю. Я проводил его равнодушным взглядом. Не пытаюсь объяснить факты, я принимал их, и только.

— Довольно спать! — услышал я сквозь сон смеющийся голос Врагина.

На его голове тюрбаном был навернут рукав, оторванный от нижней рубашки. Он выплюнул зеленую жвачку и протянул мне кусок кактуса со стертými колючками.

— Хотите пить? Вместо воды пока. Да вот, — он оторвал второй рукав, — закройте голову!

С радостью я убедился, что Врагин остался прежним Врагиным.

Я со всеми подробностями рассказал ему происшедшее. Может, это неизвестное племя? Или болезнь — вроде пучеглазия?

Врагин покачал головой:

— Вряд ли. Это чужие... Идем к ним!

За извилистой ложиной открылся вид на лагерь. На тюках сидела одинокая фигура. Остальные пятеро сустились на большой дюне. Отражая солнечные лучи, поблескивала и искрилась сеть огромной паутины, раскинутой между тонкими кольями. Да они плетут сеть!.. Часовой, повернув голову, следил за нашим приближением, но за оружие уже не хватался.

Опасность нам, по-видимому, не угрожала.

Встревоженно засвистали птицы.

— Тогда тоже?!

— Что? — не понял я.

— Свистали пичужки?

— Все время. Но к чему...

— Они и тогда пересвистывались? — нетерпеливо перебил Врагин. — Ни слова не произносили? Значит, это они!.. И остальные отзываются... Отойдем... Пока.

Мы сели неподалеку. Я жевал и сосал кактус. Врагин строил догадки. Изредка у него срывались отдельные слова:

— Эволюция... Ящеры... Другой путь... Но шлемы?..

От лагеря донесся дикий визг и скрежет, точно работала круглая пила.

Врагин вскочил, застонал и, хромя, побрел к лагерю. Постоял там минут пять, повернулся и пошел обратно.

— В большой ящик вертикально вставлен короткий стержень, на стержне со страшной быстротой вращается туманный шар. Звуки — из ящика. — Он молча сел и задумался.

Пронзительный звук, не смолкая до самого заката, метался по ложине.

— Скоро отлив. Пора! Идем за ужином.

Мы перешли дюну возле сети на кольях. Шесть воткнутых в песок никелированных прутьев метра в два длиной огораживали круглую площадку диаметром в три-четыре метра. В центре стоял седьмой прут — короче. Тонкие нити проволоки соединяли верхние концы всех семи прутьев.

Возвращаясь, мы несли наловленных крабов, ракушек и сухих чурбаков с берега. Солнце быстро садилось за дюну, косая тень ползла к нам. Тень доползла и до лагеря. Звуки мгновенно замолкли.

Мы сидели у костра и хрустели печеными крабами. В сумерках видно было, как торопливо поднялись на дюну пять фигур и исчезли за серым гребнем.

— Видели? Отправились. И заметьте: отлив. Вы говорили, — утром тоже во время отлива ходили. И носили. Идем на разведку! Может, отчасти и разрешим загадку.

В сгущавшейся темноте внизу перед нами расстилалась знакомая прибрежная полоса. Пять черных пятнышек, временами сливаясь в одно, быстро приближались к воде. Прямо впереди над низкими волнами отлива возвышалась обнаженная морем черная громада. Ее можно было принять за плоский, но широкий подводный камень, если бы не туда именно направлялась пятерка из лагеря.

— Их затонувший корабль.

— Корабль, да. Но их ли? Не наш ли? И груз вроде с нашего корабля, — возразил я.

Часа через полтора при свете звезд они возвратились. Молча прошли мимо нас. Но... ушли пятеро, вернулись шестеро. Обсуждая это обстоятельство, мы направились к тлевшим углям. Врагин завернул в лагерь и принес оттуда два больших шерстяных одеяла.

— Развязана целая кипа. Не отняли, — лаконично объяснил он.

VI

Через полчаса, перевернувшись на другой бок, я успел заметить, как на фоне звездного неба над лагерем что-то громадное плотным черным облаком взметнулось вверх и почти мгновенно скрылось в вышине.

Вспышки на дюне привлекли мое внимание. Голубые, зеленые, синие искры перескакивали между светившимися кольями, танцевали в проволочной сети паутины.

Я разбудил Врагина. Приподнявшись на локтях, мы наблюдали за мерцанием разноцветных огоньков.

Яркий метеор плавно скользнул по звездному своду, оставляя длинный след. Прямая черта тусклого света медленно таяла.

Внезапно Врагин вскочил:

— Скорее! Туда! К ним! Скорее! Скорее!..

В лагере неторопливо шевелились силуэты. Часовые? Или там вовсе не спали? Врагин замедлил бег, — стремительное приближение могли счесть за нападение. Но к нашему приходу отнеслись равнодушно.

Врагин порывисто схватил руку ближайшего, потом нагнулся, захватил горсть песка и повторил жест урода, разбудившего меня днем своим пристальным взглядом.

Эффект был поразительный. Нас окружили кольцом, разглядывая так, точно сейчас только увидели. Я придвинулся к Врагину, чтобы вместе встретить нападение. Совсем близко перед нами — страшные головы-глаза. Зрачки, раздвинувшиеся до размера стекол больших карманных часов, отражали пляшущие искорки.

— Они недоброе задумали. — Мой голос осекся. — Ведь это в высшей степени неосторожно... — Я не окончил.

Врагин сжал мне плечо и почти закричал от охватившего его возбуждения:

— Вы ошибаетесь. Поймите же, черт возьми! Они другого, реального, чужого мира. Они так же естественны и нормальны, как мы.

Непоколебимая уверенность звучала в его голосе.

Темное облако проглотило луну. В набежавшей тьме выявилось незаметное при свете луны неравномерно пульсирующее сияние, фиолетовым ореолом стоявшее над ящиком. Оттуда доносились тихий писк и чириканье.

Один подошел к цилиндру, и вдруг пучок солнечных лучей залил лагерь.

Зрачки окружавших сузились опять в узкие разрезы, но весь облик их уже не казался мне теперь таким ужасным, как днем. Стоявший рядом прикоснулся к полированному

ящику — крышка мягко отскочила вверх. Я увидел тщательно уложенные кипы бумаг.

Дрожь овладела мною. Мы стояли на пороге одной из тайн вселенной, приподнималась завеса неведомого мира, затерявшегося в звездной пыли, в неизмеримой дали бесконечности.

VII

Открывший ящик взял узкий длинный лист и, указав на звездное небо, передал нам. Я жадно впился глазами. Сверху была изображена спиральная туманность. Ниже второй рисунок показывал ее ближе и уже не как туманность, а различимое звездное скопление с маленьким квадратом, обведенным красной линией. На третьем рисунке — увеличенный красный квадрат с несколькими десятками звезд, окружавшими небольшой синий треугольник, в котором была заключена одна звезда, ничем, впрочем, не отличавшаяся от других. На следующем — в большом синем треугольнике — горела голубым огнем яркая звезда, а еще ниже — звезда ясно распадалась на две.

Мы как бы мчались с быстротою мысли, пронизывая бездну вселенной, приближаясь к какой-то определенной точке.

На последнем рисунке оба светила сильно увеличенной двойной звезды были так искусно раскрашены, что я, точно заглянув в трубу сверхтелескопа, увидел два — голубое и оранжевое — солнца.

Под рисунком была схема их солнечной системы — две крошечные точки-песчинки кружились вокруг своих солнц.

Нарисованные сбоку два кружка разного диаметра, соединенные тонкими белыми линиями с точками на схеме, указывали сравнительные размеры планет. Меньшая планета была ближе к своему оранжевому солнцу, чем планета голубого солнца.

Рисунки и чертежи, чрезвычайно понятные, дополняли друг друга.

Вероятно, подобные случаи были предусмотрены, и все эти листы с картами и рисунками были специально изготовлены для снаряжавшейся экспедиции, чтобы облегчить объяснения с обитателями других миров.

Развернули большой широкий лист с восемью плоскошарьями. Серебристые области обозначали воду, — мы поняли это по жесту в сторону моря.

Меньшая по размерам планета имела только небольшой клочок суши, — коричневый островок среди сплошного океана планеты. О нем рассказывал дополнительный цветной рисунок. Густые джунгли ярко-зеленых растений странной формы — скорее, трава, чем деревья, — поднимались со дна на огромную высоту над поверхностью вод. Лодка с двумя сидящими большеглазыми существами давала представление, как громадна высота морских джунглей.

Развернувший лист красноречивым жестом обвел кругом и заостренной металлической спицей нарисовал на таблице рядом с кружком планеты другой, почти равного диаметра, сравнивая величину Земли с размерами этой планеты.

На втором, таком же широком листе восемь плоскошарий показывали карту поверхности планеты голубого солнца, обитателями которой были они. Здесь, кроме суши и воды, имелось множество других обозначений: красные пятна, зеленые поля, желтые полосы, черточки, точки, квадратики и кружки разной окраски и размера пестрым узором покрывали сушу и местами море. Прямые тонкие линии разного цвета перерезали воду. Пунктирные — сушу... Глаз открывал все новые и новые знаки. Все это ждало пояснений, поняты были только серебристые извивы рек.

Рядом посыпались сухие, щелкающие удары, словно два больших пустых ореха часто бились один о другой.

Врагин выпрямился, как бы опомнившись.

— Слушайте, — заговорил он отрывисто. — Ночью взвился аэростат. Шар — вместо мачты беспроводного телеграфа. Возможно, не первый. На дуне — звездчатая антенна. Этот, в шлеме, работает у аппарата. Они зовут кого-то. Значит, они не одни. Они торопятся связаться с теми, другими, которые мчатся со скоростью света, а может, еще быстрее. Они торопятся связаться, пока не разделило недостижимое даже для их воли пространство. Они не намерены остаться здесь, на нашей Земле, этой пылинке, к которой пристали лишь на краткий миг своего чудовищного полета и случайно потерпели аварию. Их жест с песком означает путь сквозь звезды. Нежные, разноцветные искры в антенне — ответ. Каждую минуту можно ожидать появления тех, которые сейчас отвечали.

Он схватился за голову.

— Наш долг перед человечеством, перед мировой культурой не потерять связи, не упустить возможность... Исключительный случай, может, один в тысячи лет. Надо быстро найти решение. Отойдем, здесь невольно будем отвлекаться.

Мы молча дошли до брошенных одеял. Врагин сел и отвернулся. Аппарат молчал. Через полминуты погас прожектор. Земная ночь окружила нас, окутала мраком.

VIII

И вдруг я увидел, как край облака, закрывавшего луну, закрутился, будто захваченный смерчем, и разорвался в клочья.

На дуне фейерверком посыпались искры, взметнулся клуб голубого пламени. Аппарат в лагере щелкнул пять раз подряд и смолк. Высоко вверху резким правильным кружком зачернело небольшое облако. Не теряя правильности очертаний и густоты, оно быстро увеличивалось в диаметре.

Едва успел я понять, что через секунду оно упадет на нас, как гигантский черный круг навис над ложиной в десятках метров над землей. Плавно опустился еще ниже и неподвижно замер в воздухе.

Большой овал белого света с минуту лежал на песке вокруг нас, потом мигнул, дрогнул, погас. Снизу поднялся луч другого прожектора, осветил плоскую, движущуюся поверхность металла.

Из мрака выступил громадный, медленно и беззвучно вращавшийся наподобие граммофонной пластинки диск размером с арену большого цирка.

Потом корабль опустился еще ниже и плоским обширным сводом повис в воздухе саженях в трех над землей.

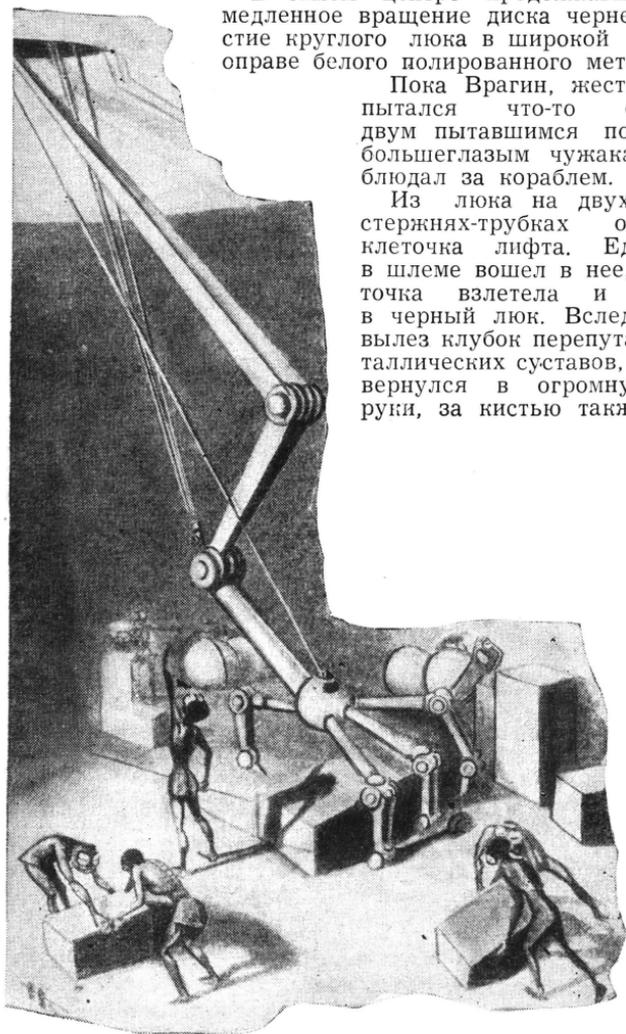
Ровная поверхность металла вверху и волнистый песок образовали обширную, но узкую щель; свет прожектора в центре как бы столбом поддерживал низкий потолок.

Мы побежали к лагерю.

В самом центре продолжавшего свое медленное вращение диска чернело отверстие круглого люка в широкой выпуклой оправе белого полированного металла.

Пока Врагин, жестикулируя, пытался что-то объяснить двум пытавшимся понять его большеглазым чужакам, я наблюдал за кораблем.

Из люка на двух тонких стержнях-трубках опустилась клеточка лифта. Едва один в шлеме вошел в нее, как клеточка взлетела и нырнула в черный люк. Вслед за этим вылез клубок перепутанных металлических суставов, вяло развернулся в огромную кисть руки, за кистью также лениво

показался локоть, точно наверху, проснувшись, потягивался циклоп. Полуразжатые пальцы висели в аршине над землей. Внезапно ожив, рука поднялась, повернулась, металлическая кисть осторожно опустилась на два крайних тюка, пальцы сжали их, как ястреб цыпленка, и в одно мгновение исчезли с добычей в люке.

Один большеглазый отправился на дюну — конечно, снять антенну. Всё говорило о скором отправлении.

Мгновенная боязливая мысль вспыхнула и когтистым страхом вцепилась в сердце.

Что, если вдруг на секунду приостановит работу удивительная сила, вырванная у природы гением неизвестных существ и, закованная в броню металла, ударит о землю чудовищным молотом, поднятым сейчас над головой, страшная тяжесть нависшего корабля? На краткий миг сомкнется щель... Невообразимая боль раздробленных костей. Голова под неумолимым прессом. Хотелось выбежать из-под корабля на простор родной ночи. Но голос более сильный — голос человеческой гордости и разума — приказывал оставаться на месте до конца.

IX

Взволнованный, радостный возглас Врагина привлек мое внимание:

— Кончено! Добился!..

— Чего?.. Остаются? — обрадовался я.

— Нет, я с ними... Единственный выход. Через десять-двадцать лет я вернусь. За это время я сумею многое узнать.

— Но можете и не вернуться.

— Вернусь, верьте! Они летят наверняка! Целая эскадрилья. Позаботьтесь о Лиде.

Лифт сновал безостановочно.

Механическая рука продолжала втаскивать грузы.

Потом стали подниматься наши недолгие соседи. Один протянул мне сложенную карту, служившую при последних объяснениях с Врагиным. Врагин пожал мне руку.

— Ждите! Передайте мой привет Лиде. Ну, она-то не забудет меня...

— Николай Иванович!..

Он не дал мне договорить.

— Да, я знаю. Я знаю вас и могу быть спокойным. Надеюсь на вас. Ждите... Мы опустимся на поляне за домом... Хоть через двадцать лет... Ждите...

Он еще раз пожал мне руку своей вздрагивающей рукой. Пустая клеточка опустилась. Врагин вошел. Мы обменялись последним рукопожатием. Я почувствовал под левой ладонью металл лифта, и клетка взвилась. Через секунду голова и плечи Врагина показались за перилами в люке.

— Прощайте!.. — закричал я.

Круглым зрачком зачернело отверстие люка... Я услышал из темноты:

— До свидания!